

СОБОЛЕВА
УЛЬЯНА

ДУШИ

МОЕЙ ПАЛАЧ

我灵魂的刽子手

Ульяна Соболева

Души моей палач

<https://litres.ru/73907946>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — принц демонов, который разучился чувствовать. Двести лет назад предательство матери убило в нём способность испытывать боль, любовь, сострадание. Теперь Лэн Цзюе — живой мертвец в человеческом обличье, жестокий правитель, находящий удовольствие только в чужих страданиях.

Она — душа из другого времени, заключённая в тело древней китаянки. Арина погибла от руки сталкера в современном Пекине, но проснулась в теле Ли Яньхуа — дочери генерала, выданной замуж за принца лисов для скрепления политического союза.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	40
Глава 5	51
Глава 6	56
Глава 7	63
Глава 8	73
Глава 9	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Ульяна Соболева

Души моей палач

Души моей палач

Ульяна Соболева

Аннотация:

Он — принц демонов, который разучился чувствовать. Двести лет назад предательство матери убило в нём способность испытывать боль, любовь, сострадание. Теперь Лэн Цзюе — живой мертвец в человеческом обличье, жестокий правитель, находящий удовольствие только в чужих страданиях.

Она — душа из другого времени, заключённая в тело древней китаянки. Арина погибла от руки сталкера в современном Пекине, но проснулась в теле Ли Яньхуа — дочери генерала, выданной замуж за принца лисов для скрепления политического союза.

Глава 1

#####

*"Красота — тонка судьба, небеса завидуют красоте"*1*

Пекин, концертный зал "Золотой дракон"

Я чувствую его взгляд на своей коже.

Последняя нота "Яшмовых слёз" ещё дрожит в воздухе, а я уже знаю — он здесь. Дмитрий. Мой сталкер, мой кошмар, моя смерть, которая идёт за мной по пятам уже полгода.

Тысяча китайских зрителей взрывается аплодисментами, поднимается с мест, кричит "Браво!" на трёх языках, но я слышу только стук собственного сердца. *Бум-бум-бум*. Так громко, что мне кажется — весь зал слышит, как разрывается моя грудная клетка от страха.

Белое платье прилипает к телу от холодного пота. Руки дрожат так сильно, что микрофон вот-вот выскользнет из пальцев. Я пытаюсь улыбаться — профессиональная улыбка певицы, которую я отточила за десять лет на сцене — но чувствую, как она получается кривой, неестественной.

— ##### — говорю я на китайском, и мой голос звучит словно треснувший хрусталь. — Спасибо всем за ваши сердца!

Кланяюсь, и волосы рассыпаются вокруг лица чёрным занавесом. На секунду прячусь за ними, словно ребёнок, ду-

мающий, что если не видишь монстра, то и он тебя не видит.

Но когда поднимаю голову, он всё ещё там. В последнем ряду, неподвижный как надгробие. Чёрный капюшон скрывает лицо, но я чувствую эти глаза — горящие, одержимые, больные от любви, которая давно превратилась в ненависть.

Почему? Почему он здесь? Я же уехала из России! Сменила номер телефона! Поменяла адрес!

За кулисами Лю Вэй носится с букетами роз, его лицо сияет от восторга:

— Арина! Это триумф! Ты покорила Пекин! Журналисты China Daily просят интервью!

Но я не слушаю. Выглядываю из-за кулис, надеясь, что привиделось. Что моя паранойя сыграла со мной злую шутку.

Место пустое.

Облегчение накатывает волной, ноги подкашиваются, и я опираюсь о стену. *Показалось. Конечно, показалось. Два месяца в турне, концерты каждый день, стресс...*

— Лю Вэй, — шепчу я, — можно я пешком в отель? Нужно проветрить голову.

— Конечно, дорогая! — он машет рукой. — Только осторожнее! Ночной Пекин не спит!

Если бы я знала, как он окажется прав...

Час спустя я бреду по узким переулкам старого Пекина. Традиционные красные фонарики качаются на ветру, бросая золотистые блики на древние стены. Запах жареных пельме-

ней смешивается с ароматом благовоний из небольшого храма. Где-то вдали играет эрху — китайская скрипка поёт такую печальную мелодию, что хочется плакать.

Почему мне так знакомо это место? — думаю я, обходя лужу после вечернего дождя. Словно я ходила здесь в другой жизни...

Мысль странная, даже пугающая. Я никогда не верила в реинкарнацию, но с тех пор, как приехала в Китай, меня преследуют странные сны. Дворцы с резными колоннами, мужчина в шёлковых одеждах с золотыми глазами, звуки цина...

Шаги за спиной заставляют меня обернуться.

Пустота. Только тени от фонарей, танцующие на мокром асфальте древний танец света и тьмы.

Тук-тук-тук. Мои каблучки по брусчатке.

Тук-тук-тук. Эхо. Или не эхо?

Сердце снова начинает биться как сумасшедшее. *Бум-бум-бум-бум.* Я ускоряю шаг, сворачиваю за угол, потом ещё за один...

И понимаю, что заблудилась.

Передо мной тупик. Высокие стены старых домов смыкаются вокруг меня словно объятия каменного гроба. Единственный фонарик тускло мерцает, бросая болезненный жёлтый свет на мокрые камни.

— Наконец-то, моя прекрасная певичка.

Голос за спиной. Знакомый голос, который снился мне в кошмарах.

Я медленно оборачиваюсь, и мир превращается в замедленную съёмку. Каждая секунда растягивается в вечность.

Дмитрий стоит в нескольких шагах от меня. Высокий, худой, с лицом красивым и безумным одновременно. В правой руке — нож. Лезвие блестит в свете фонарика, отражая мой искажённый ужасом силуэт.

— Дима... — я прижимаюсь спиной к стене, и холодный камень сквозь тонкое платье обжигает кожу. — Как ты... зачем ты здесь?

— Зачем? — он делает шаг ближе, и я вижу в его глазах то же безумие, которое преследовало меня письмами, звонками, угрозами. — Я следовал за тобой. Всегда. Везде. Россия, Германия, теперь Китай... Ты думала, что сможешь от меня сбежать?

— Дмитрий, пожалуйста... — мой голос срывается на шёпот. — Я же говорила тебе... я не могу... мы не можем быть вместе...

— Не можешь? — он смеётся, и этот смех похож на треск ломающихся костей. — Или не хочешь? Ты предпочитаешь этих... этих китайских поклонников? Этых жёлтых ублюдков, которые кричат твоё имя?

Нож поднимается, и лезвие ловит свет фонарика. На секунду он превращается в молнию, замёршую в воздухе.

— Если ты не можешь быть моей, — шепчет Дмитрий, и в его голосе столько боли, что становится страшно, — то не достаешься никому. Никто больше не услышит твой голос.

Никто не увидит твою красоту.

Время останавливается.

Я закрываю глаза, и в эту секунду — самую важную секунду моей жизни — передо мной вспыхивают образы. Концертные залы, овадии, лица близких... И почему-то — древние дворцы с золотыми драконами на стенах, мужчина в чёрных одеждах с лицом прекрасным и жестоким...

Почему я вижу это? Откуда эти образы?

Лезвие входит в грудь.

Боль — не сразу. Сначала только холод, словно кто-то воткнул в сердце сосульку. Потом жжение, растекающееся по рёбрам горячими волнами. Потом... потом боль такая острая, что мир взрывается белыми искрами.

Я падаю на колени. Белое платье окрашивается красным — сначала маленькими пятнышками, потом всё больше, больше, пока не становится похожим на свадебное платье китайской невесты.

Красный. В Китае красный — цвет счастья. Какая ирония...

— Прости меня, — шепчет Дмитрий, и по его щекам текут слёзы. — Но я не мог... не мог позволить другим иметь то, что принадлежит мне.

Я пытаюсь дышать, но в лёгких булькает кровь. Металлический привкус во рту. Мир качается, словно я на корабле в шторм.

Мама, — думаю я, и слеза скатывается по щеке. Мама, я

так хотела увидеть тебя ещё раз...

Но странно — боль отступает, а перед глазами разворачиваются видения. Я вижу древний дворец, освещённый тысячами свечей. Слышу музыку — печальную мелодию цина, которая заставляет сердце сжиматься от тоски. Вижу мужчину в шёлковых одеждах... он поворачивается, и я смотрю в глаза цвета расплавленного золота.

Лисьи глаза.

Кто он? Почему я его знаю?

— ...принц... — шепчу я, не понимая, откуда берутся эти слова. — Лэн... Цзюе...

Дмитрий склоняется надо мной:

— Что ты говоришь? Арина, что ты говоришь?

Но я его уже не слышу. Мир растворяется в тумане, а я проваливаюсь в темноту под звуки цина — такие прекрасные и печальные, что даже ангелы смерти останавливаются, чтобы послушать.

Последняя мысль перед тем, как всё исчезает:

Это не конец. Это... это начало чего-то другого...

Темнота. Холод. Пустота.

А потом — свет. Яркий, ослепительный, словно рождение новой звезды.

Древний Китай, эпоха династии Тан

Резиденция генерала Ли

Я открываю глаза и кричу.

Кричу от боли, от ужаса, от невозможности того, что происходит. Потому что это не моя комната. Не моя кровать. Не мои руки, которыми я хватаю воздух, пытаюсь нащупать реальность.

— Яньхуа! Яньхуа, вы очнулись! — к кровати подбегает девушка в простой одежде, лицо её мокрое от слёз. — Госпожа, слава небесам, вы живы!

Яньхуа? Кто такая Яньхуа?

Я сажусь на кровати, и мир качается, словно я на качелях. Руки... эти руки не мои. Тоньше, изящнее, с длинными ногтями. Волосы... я хватаю прядь, и она чёрная как ночь, длинная до пояса.

Что происходит? Где я? Что со мной случилось?

— Зеркало! — хрипло требую я. — Дайте мне зеркало!

Служанка — потому что это явно служанка, судя по одежде — протягивает мне бронзовое зеркало. То, что я вижу в отражении, заставляет меня снова закричать.

Лицо незнакомой девушки. Красивое, нежное, с огромными глазами миндалевидной формы. Китайка. Я стала китайкой.

Это невозможно. Невозможно!

— Госпожа, что с вами? — служанка пытается меня успокоить. — Вы упали с лошади три дня назад, ударились головой... может, поэтому такие странности говорите?

Упала с лошади. Значит, эта девушка — Яньхуа — умер-

ла. А я... я каким-то образом попала в её тело.

Реинкарнация. Переселение души. То, во что я никогда не верила.

— Где... где я? — шепчу я, и мой голос звучит не так, как раньше. Мелодичнее, с другими интонациями. Я...я говорю по-китайски? Откуда...Боже! Какого черта сейчас происходит?!

— В доме вашего отца, генерала Ли, — отвечает служанка. — Госпожа, завтра ваша свадьба...

Слово "свадьба" ударяет по сознанию как молния.

И вдруг — воспоминания. Не мои. Воспоминания Ли Яньхуа вливаются в мою голову болезненным потоком. Детство в доме военачальника. Уроки каллиграфии и поэзии. Помолвка с принцем лисов для политического союза. Жених, которого она никогда не видела, но о котором ходят страшные слухи...

Лэн Цзюе. Принц девятихвостых лисов.

То же имя, что я прошептала, умирая в пекинском переулке.

— Нет, — шепчу я, и ужас сжимает горло. — Нет, это невозможно...

За окном раздаётся звук рога — протяжный, торжественный. Служанка бледнеет:

— Свадебная процессия принца! Они прибыли раньше времени!

Я подхожу к окну на дрожащих ногах и выглядываю во

двор.

То, что я вижу, заставляет меня схватиться за подоконник, чтобы не упасть.

Сотни всадников в чёрных и золотых одеждах. Знамёна с изображением девятихвостой лисы. Паланкины, украшенные драгоценными камнями. И в центре процессии — фигура на чёрном коне.

Даже на расстоянии я чувствую исходящую от него силу. Холодную, древнюю, беспощадную. Он поднимает голову, и наши взгляды встречаются.

Глаза цвета расплавленного золота с синими ободками. Те же самые глаза, что видела в предсмертном видении.

В этот момент мир останавливается. Даже ветер перестаёт шелестеть листьями.

В его взгляде нет ничего человеческого. Только пустота, красивая и страшная как зимнее озеро. И что-то ещё... голод. Не физический, а душевный, словно он искал что-то всю свою долгую жизнь и не мог найти.

Я знаю его. Откуда-то знаю. Но это невозможно...

Но как же он красив. Как божество, как самый настоящий демон. Божественное лицо. Нежное и в то же время жестокое, адски прекрасное. Словно сам ангел сошел с небос... и в то же время он жуткий в своей красоте со своими платиновыми волосами достающими до крупа лошади.

Принц смотрит на меня ещё несколько секунд, потом отворачивается и отдаёт какой-то приказ. Процессия приходит

в движение.

Я отшатываюсь от окна, сердце бьётся так сильно, что готово выскочить из груди.

Завтра я выйду замуж за демона. За прекрасного, жестокого демона, который смотрит на мир пустыми глазами.

Но где-то в глубине души, в той части, что осталась от Арины Вольной, тихий голос шепчет: *Это не случайность. Твоя смерть, переселение души, этот брак — всё связано. Ты здесь неспроста.*

Служанка подходит ко мне:

— Госпожа, нужно готовиться. Завтра великий день...

Великий день. Или день, когда закончится всё, что во мне осталось человеческого.

Я смотрю в зеркало на лицо незнакомой девушки — теперь моё лицо — и шепчу:

— Прости меня, Яньхуа. Я не знаю, зачем твоя душа ушла, а моя пришла. Но я постараюсь... постараюсь достойно нести твоё имя.

За окном снова кричит птица — протяжно, печально.

Словно оплакивает двух умерших девушек: одну в пекинском переулке, другую под копытами лошади.

И приветствует рождение третьей — той, что станет принцессой демонов.

***1 - Эпиграф: #####**

"Красота — тонка судьба, небеса завидуют красоте"

Древняя китайская поговорка о том, что красивые женщины часто имеют трагическую судьбу, словно сами небеса завидуют их красоте и посылают им испытания. В данном контексте — пророчество о двух смертях и одном рождении.

Глава 2

#####

"Судьба как вода — кто плывёт по течению, процветает, кто против — гибнет"

Резиденция генерала Ли, ночь накануне свадьбы

От первого лица Ли Яньхуа (души Арины)

Как это возможно? Как душа может перелететь через века, через континенты, через саму смерть?

Мэйли, служанка Яньхуа — теперь моя служанка — осторожно расчёсывает мои волосы. Нет, не мои. Её волосы. Длинными гребнями из слоновой кости она разбирает каждую прядь, и каждое движение отдаётся болью в голове. Словно она расчёсывает не волосы, а мои спутанные мысли, пытаясь привести в порядок хаос двух жизней в одном теле.

Зачем? За что? За какие грехи прошлой жизни я заслужила такое наказание?

— Госпожа, — шепчет Мэйли, и я слышу дрожь в её голосе, — завтра великий день. Вы станете принцессой лисов...

Принцесса лисов. Словно название страшной сказки.

Я поворачиваюсь к ней, и в зеркале мелькает лицо незнакомки с моими глазами — полными ужаса, отчаяния, безнадёжности.

— Мэйли, — мой голос звучит чужо, с другими интонациями, — Расскажи мне о... о моём женихе.

Она застывает, гребень замирает в волосах. По её лицу пробегает тень, словно облако закрыло солнце.

— Госпожа... может, не стоит...

— Расскажи! — я хватаю её за запястье, и она вздрагивает от силы моей хватки. — У меня есть право знать, за кого меня выдают замуж! За какого демона!

Мэйли опускает глаза и начинает говорить тихо, словно читает заупокойную молитву:

— Принц Лэн Цзюе. Старший сын императора лисьих духов. Ему двадцать восемь лет по человеческим меркам, но живёт он уже несколько столетий...

Несколько столетий. Бессмертный. Я выхожу замуж за бессмертного демона.

— Говорят... — она запинаясь, облизывает губы, — говорят, что он не чувствует боли. Совсем. Ни физической, ни душевной.

Не чувствует боли. Какой ужас — существовать и не чувствовать. Я, певица, знаю: без боли нет искусства. Без страдания нет красоты. А что такое жизнь без чувств? Пустота?

— И ещё... — голос Мэйли становится совсем тихим, — говорят, что он носит перчатки. Всегда. Чёрные шёлковые перчатки. И никогда их не снимает.

— Почему?

— Не знаю, госпожа. Говорят разное. Что у него когти

вместо ногтей. Что руки покрыты чешуёй. Что он не переносит прикосновений к человеческой коже...

Каждое слово падает в мою душу как камень в пруд, расходясь кругами боли.

— А ещё говорят, — Мэйли почти шепчет, — что он не умеет любить. Совсем. Что сердце его холодно как зимний ветер, а глаза пусты как заброшенные могилы.

Не умеет любить. Значит, я обречена на брак-делку, на жизнь рядом с красивой статуей из льда. Никогда не узнаю нежности, ласки, тепла объятий...

Слёзы жгут глаза, и я зажмуриваюсь, пытаюсь их сдержать. Но они всё равно просачиваются сквозь ресницы и катятся по щекам — горячие, солёные, полные отчаяния.

— Но почему именно я? — спрашиваю я у своего отражения. — Почему Яньхуа должна стать жертвой?

— Политический союз, госпожа, — отвечает Мэйли, и в её голосе слышится сочувствие. — Ваш отец, генерал Ли, командует северной армией. На севере демоны нападают на наши земли, жгут города, убивают людей. Нашим воинам нужна помощь лисьих духов. А лисам... лисам нужна наша земля, чтобы укрыть своих детей от врагов.

— И я — цена этого союза, — говорю я горько. — Разменная монета в игре, правил которой не понимаю.

— Не говорите так, госпожа...

— А как ещё? — я встаю резко, и стул скрипит. — Меня продают, как продают рис на рынке! "Возьмите нашу дочь,

дайте нам солдат!"

За окном раздаётся лязг металла — это охрана принца готовится к ночному дежурству. Звуки резкие, холодные, словно готовят не к свадьбе, а к казни.

А может, для меня это одно и то же?

Дверь распахивается, и входит мужчина в генеральских доспехах. Высокий, широкоплечий, с сединой в волосах и шрамом через левую щёку — боевая отметина. Лицо суровое, но глаза... в глазах отца боль. Та же боль, что терзает меня.

— Яньхуа, дочь моя, — говорит он, и голос звучит устало, словно он постарел на десять лет за один день. — Завтра ты покинешь отчий дом.

Я встаю и кланяюсь, как научили воспоминания Яньхуа. Движения правильные, но сердце разрывается — не от почтения, а от горя.

— Отец, — шепчу я, и слово это звучит странно на моих губах. Этот человек не мой отец. Мой отец далеко, в другом времени, и он не знает, что его дочь мертва. — А если... а если я не хочу замуж?

Он делает шаг ко мне, и я вижу, как дрожат его руки. Большие, натруженные руки воина, которые держали меч и знамя, теперь дрожат от беспомощности.

— Дитя моё, — говорит он и кладёт ладонь мне на голову. Тяжело, словно благословляет и хоронит одновременно. — Думаешь, мне легко отдавать тебя? Моё сокровище? Моё

единственное счастье?

Его голос ломается на последних словах, и я понимаю: он любит свою дочь. Настоящую Яньхуа, которая умерла. Любит так сильно, что готов отдать её демону ради спасения тысяч жизней.

— Но у нас нет выбора, — продолжает он, и слёзы блещут в его глазах. — На севере умирают мои солдаты. Каждый день приходят гонцы с сообщениями о новых потерях. Вчера пал город Датун. Завтра может пасть Пекин. А принц лисов... он может остановить войну. Одним щелчком пальцев.

— Ценой моей жизни, — говорю я, и слова вырываются сами собой.

— Ценой твоего счастья, — поправляет он тихо. — И да, возможно, жизни. Прости меня, дочь. Но иногда одна жизнь должна спасти тысячи других. Иногда любовь требует жертвы.

Он целует меня в лоб — поцелуй прощания — и уходит. Шаги его тяжёлые, словно он несёт на плечах весь мир.

Я остаюсь одна с Мэйли и своим отражением в зеркале. Девушка в белом ханьфу, с распущенными волосами и заплаканными глазами. Жертва, приготовленная к заклинанию.

— Госпожа, пора спать, — шепчет Мэйли. — Завтра рано вставать...

Но сон не идёт. Я лежу на кровати из красного дерева, под шёлковыми покрывалами, и смотрю в потолок. В голове крутятся мысли — мои и чужие, воспоминания двух жизней

смешиваются в безумную мозаику.

Концертные залы Петербурга. Дворы китайских резиденций.

Русские романсы. Звуки цина.

Дмитрий с ножом. Принц с золотыми глазами.

Почему? Почему меня привело сюда? Что хочет от меня судьба?

За окном кричит ночная птица — долго, печально, словно поёт реквием. По коже пробегают мурашки. В воспоминаниях Яньхуа птицы, кричащие ночью, — плохая примета. Предвестие смерти.

Чьей смерти? Моей? Или его?

Я переворачиваюсь на бок и вижу на столике рядом с кроватью небольшой кинжал в ножнах из зелёного нефрита. Оружие для самозащиты, которое дают молодым девушкам из знатных семей.

Один удар. Один быстрый удар в сердце — и всё закончится. Не будет свадьбы с демоном. Не будет жизни в золотой клетке.

Я протягиваю руку к кинжалу... и останавливаюсь.

В голове всплывают слова отца: *Одна жизнь должна спасти тысячи других.*

Если я умру, солдаты на севере будут продолжать гибнуть. Демоны захватят города, убьют детей, изнасилуют женщин. Моя смерть не спасёт меня — она обречёт тысячи невинных.

Рука падает на покрывало.

Нет. Я не могу быть такой эгоисткой. Если судьба привела меня сюда, если душа Арины заняла место мёртвой Яньхуа, значит, у этого есть причина.

Но какая?

Под утро я всё-таки засыпаю и вижу сон. Станный, пугающий сон, который кажется воспоминанием.

Я стою в огромном тронном зале, освещённом тысячами свечей. Стены украшены золотыми драконами, потолок расписан сценами из древних легенд. Воздух пахнет сандалом и чем-то ещё... чем-то диким, звериным.

Передо мной трон из чёрного нефрита, а на троне сидит мужчина. Лицо скрыто тенью, но я знаю — это он. Принц Лэн Цзюе.

— Кто ты? — спрашивает он, и голос его похож на шёлк, натянутый до предела. Красивый, но готовый порваться.

— Я... — начинаю отвечать, но слова застревают в горле. Кто я? Арина? Яньхуа? Душа, заблудившаяся между мирами?

— Неважно, — говорит он и встаёт с трона. Теперь я вижу его полностью: высокий, стройный, в чёрных одеждах, расшитых золотом. Лицо... лицо прекрасное, как у статуи греческого бога, но холодное. И глаза — золотые, пустые, словно в них нет души.

— Завтра ты станешь моей женой, — продолжает он, делая шаг ко мне. — И я научу тебя бояться. Научу плакать. Научу молить о смерти.

— Зачем? — шепчу я.

— Потому что я не умею чувствовать ничего, кроме чужой боли. — Он протягивает руку в чёрной перчатке. — А ты... ты будешь чувствовать за нас обоих.

Рука касается моей щеки, и даже сквозь ткань перчатки я ощущаю холод. Такой сильный, что кожа немеет.

— Добро пожаловать в ад, моя дорогая жена.

Я просыпаюсь с криком на губах, холодный пот покрывает тело. Сердце бьётся так быстро, что кажется, вот-вот выскочит из груди.

За окном рассвет. Небо окрашено в розово-золотые тона, птицы поют утренние песни. Красота, которая контрастирует с ужасом в моей душе.

Свадебный день.

Мэйли уже ждёт у кровати с красным ханьфу в руках. Свадебное платье.

— Госпожа, пора одеваться, — говорит она, но голос дрожит так же, как и мой.

Я встаю на слабых ногах и подхожу к окну. Во дворе уже собралась свадебная процессия, и зрелище захватывает дух. Сотни всадников в парадных доспехах, музыканты с барабанами и флейтами, паланкин, украшенный золотыми фениксами и драконами. Знамёна развеваются на ветру, солнце играет на шёлке и металле.

Всё это великолепие — для меня. Или ради меня.

И в центре всего этого великолепия, на чёрном коне, сидит он. Принц Лэн Цзюе.

Даже на расстоянии я чувствую исходящий от него холод. Он сидит неподвижно, как статуя, но в этой неподвижности чувствуется сила. Опасная, древняя, беспощадная.

Сегодня я стану его женой, — думаю я, и руки начинают дрожать. Сегодня я войду в клетку, ключ от которой выброшен.

Мэйли начинает одевать меня в свадебный наряд. Каждый слой красного шёлка — словно саван. Каждая лента в волосах — словно путы. Золотые украшения звенят при каждом движении, напоминая цепи.

— Госпожа прекрасна как богиня, — шепчет служанка, но в её глазах я читаю жалость.

В зеркале на меня смотрит незнакомая девушка в красном. Красивая, печальная, обречённая. Принцесса из страшной сказки, где принц оказывается людоедом.

Снаружи раздаётся звук барабанов — громкий, торжественный, похожий на похоронный марш.

— Принц ждёт, госпожа, — говорит Мэйли и накрывает мою голову красной вуалью.

Мир становится красным, словно я смотрю на него сквозь кровь.

Я делаю первый шаг к двери. К паланкину. К принцу, который не умеет любить.

К судьбе, которая может оказаться хуже смерти.

Арина Вольная умерла в пекинском переулке, — думаю я, переставляя ноги. Ли Яньхуа умерла под копытами лошади. Сегодня родится кто-то третий. Кто-то, кто станет женой демона.

Дай бог, чтобы эта третья была сильнее двух предыдущих. Потому что ей предстоит выжить в аду.

Глава 3

#####

"Сердце изо льда, все сущее — пустота"

Дворец лисьих духов, день свадьбы

От первого лица принца Лэн Цзюе

Я мёртв.

Не физически — моё сердце бьётся, лёгкие дышат, кровь течёт по венам. Но внутри, где должна быть душа, зияет пустота. Двадцать лет пустоты. Двадцать лет жизни без чувств, без боли, без радости.

Без ничего.

Сажу на чёрном жеребце перед жалким человеческим жилищем и смотрю на этот театр — свадебную процессию, красивые наряды, торжественные лица. Всё это должно что-то значить. Брак. Союз. Политическая сделка между нашими народами.

Для меня это просто очередной день в бесконечной череде одинаковых дней.

Мои пальцы в чёрных шёлковых перчатках сжимают поводья, но я не чувствую ни кожи под тканью, ни металла удила, ни тепла лошадиного тела подо мной. Между мной и миром — стеклянная стена, которая не пропускает ничего.

Когда-то я мечтал чувствовать. Теперь... теперь я даже не помню, какова была боль на вкус.

Воспоминание, острое как лезвие, прорезает сознание:

Мне восемь лет. Я стою в материнских покоях и смотрю, как она целует другого мужчину. Человека с золотыми волосами и синими глазами — дипломата из северного королевства.

— Мама? — шепчу я, и сердце разрывается от боли предательства.

Она поворачивается, и в её прекрасных глазах нет любви. Только холодный расчёт.

— Ах, Цзюе. Как некстати. — Голос спокойный, словно обсуждает погоду. — Впрочем, неважно. Завтра меня здесь не будет.

— Куда ты уезжаешь?

— К новой жизни. К любви. К свободе. — Она касается щеки любовника нежно, как никогда не касалась моей. — А ты... ты напоминаешь мне о тюрьме, в которой я провела столько лет.

Боль взрывается в груди, такая острая, что хочется закричать. Но я не кричу. Принцы не кричат.

— Мама, я же тебя люблю...

— Любовь? — Она смеётся, и смех похож на звон разбитого стекла. — Ты не знаешь, что такое любовь, дитя. Ты — продукт политического брака. Инструмент династии. У тебя нет сердца для любви.

Любовник протягивает ей чашку вина. Она пьёт, потом подходит ко мне.

— Выпей, сын мой. За новую жизнь. — В её голосе фальшивая нежность.

Я беру чашку. Вино пахнет странно — горько, с металлическим привкусом. Но я пью. Потому что мама просит.

Яд жжёт горло, рвёт желудок изнутри. Я падаю, и мир становится красным от боли.

— Прости, — шепчет она, уже одеваясь для побега. — Но ты бы никогда не отпустил меня. А мёртвые не держат.

Я умираю на полу её спальни, а она собирает драгоценности для новой жизни.

Но магия лисьего рода спасает меня. Яд не убивает, но забирает способность чувствовать боль. Навсегда.

А вместе с болью забирает всё остальное.

Отец нашёл их через три дня. Казнил мать при всём дворе. Я смотрел, как катится её голова, и не чувствовал ничего. Ни боли, ни облегчения, ни мести.

Пустоту.

С тех пор я не снимаю перчатки. Не из-за когтей или чешуи — из-за того, что не чувствую прикосновений. Зачем касаться мира, который не можешь ощутить?

— Ваше высочество, — голос командира охраны Вэй Хэйлана возвращает меня в настоящее. — Невеста готова.

Невеста. Очередная женщина, которая либо предаст меня, либо разочаруется в мёртвом муже. Впрочем, какая раз-

ница? Я не способен ни любить, ни страдать от предательства.

— Хорошо, — отвечаю я голосом без эмоций. Таким голосом я говорю уже двадцать лет. — Пусть выходит.

Интересно, сколько времени пройдёт, прежде чем она сойдёт с ума от жизни рядом со мной? Моя последняя наложница выбросилась из окна через месяц. Предыдущая попыталась перерезать себе вены. Они всё ещё надеялись разбудить во мне хоть что-то человеческое.

Глупые создания. Мёртвых не воскрешают.

Паланкин выносят из дома, ставят перед моим конём. Красные шёлка развеваются на ветру как знамёна войны. Из-за занавесок доносится тихое дыхание — частое, напряжённое.

Она боится. Хорошо. Страх — единственная эмоция, которую я ещё могу различать. Не чувствовать — различать. Как цвет крови на снегу.

— Ваше высочество, — генерал Ли подходит к моему коню, и лицо его серое от горя. — Моя дочь... она хорошая девочка. Добрая. Талантливая. Прошу вас...

Он не договаривает. Что просить? Не убивать? Не мучить? Любить?

Я смотрю на этого человека — старого воина, который отдаёт единственное сокровище ради мира. В его глазах боль, которую я помню, но больше не понимаю.

Когда-то я бы сочувствовал ему. Теперь...

— Я не обещаю ничего, — говорю я холодно. — Но если она не будет мешать, то и вреда не получит.

Маленькая ложь. Вред она получит. Просто от того, что будет жить рядом со мной. Моя близость разрушает всё живое, словно я излучаю холод могилы.

— Спасибо, — шепчет генерал, и в голосе слёзы.

Рано благодарить, старик. Очень рано.

Процессия движется к дворцу под звуки барабанов и флейт. Торжественная музыка, которая должна праздновать радость. А празднует похороны. Мои. Её. Наши.

Дворец лисьих духов встречает нас молчанием мёртвых.

Чёрные мраморные стены поднимаются к небу, словно обвинительные пальцы. Золотые драконы на воротах скалят зубы в вечной угрозе. Все окна закрыты, словно дворец не хочет впускать свет.

Как и я.

Слуги-лисы окружают паланкин невесты, и я вижу презрение в их глазах. Они считают этот брак унижением для династии. Связь с низшей расой, которая живёт жалкие десятилетия вместо столетий.

Пусть считают. Мне безразлично их мнение. Мне безразлично всё.

— Принцесса прибыла! — объявляет церемониймейстер.

Принцесса. Красивое слово для приговорённой.

Занавески паланкина раздвигаются.

И я вижу её.

Красное свадебное платье струится вокруг неё, как застывшая кровь. Золотые украшения звенят при каждом движении погребальным звоном. Она выходит медленно, осторожно, словно идёт по минному полю.

Умная девочка. Это действительно минное поле.

Лицо скрыто вуалью, но глаза... глаза видны сквозь красную ткань. Большие, тёмные, и в них...

Стоп.

Что-то не так.

Я смотрю в эти глаза и чувствую... нет. Не чувствую. Но что-то происходит. Словно по поверхности стоячего пруда моего сознания прошла рябь.

В её взгляде нет того, что я привык видеть. Нет животного ужаса, который обычно читаю в глазах людей. Нет благоговения перед моей красотой. Нет слепой покорности.

Есть оценка. Изучение. Понимание?

Невозможно. Что может понимать эта человечка?

Но есть и ещё кое-что. Боль. Глубокая, древняя боль, которая не должна помещаться в глазах девушки её лет. Боль, похожая на мою. На ту, что я чувствовал до того, как умер внутри.

Что за чушь? Откуда у избалованной дочки генерала такие глаза?

— Добро пожаловать во дворец лисьих духов, — говорю я, и голос эхом отдаётся от стен. — Моя жена.

Последние два слова звучат как приговор. Для нас обоих.

Она вздрагивает, но не от страха. От чего-то другого. Узнавания? Предчувствия?

Что за игру она ведёт?

— Ваше высочество, — отвечает она, кланяясь. Голос мелодичный, но дрожит. — Я готова... готова следовать вашей воле.

Слова правильные. Покорные. Но в интонации что-то ещё. Решимость? Сила, скрытая за покорностью?

Интересно. Очень интересно.

— Следуйте за мной, — приказываю я.

Мы идём по коридорам дворца, и наши шаги эхом отдаются под сводами. Картины предков смотрят на нас с укором — поколения гордых лисьих правителей, которые никогда не унижались до союза с людьми.

Простите, предки. Но мёртвые не делают политику.

Я слышу её шаги за спиной — мягкие, но уверенные. Слишком уверенные для напуганной невесты. Звук шёлка, звон украшений, но что-то в её походке...

Словно она знает дорогу. Невозможно. Она никогда здесь не была.

Останавливаюсь у её покоев — красивой тюрьмы, которую я приготовил для неё.

— Здесь вы будете жить.

Открываю двери, она заходит внутрь. Комната роскошная: шёлка, золото, драгоценности. Всё, что нужно красивой пленнице.

Она осматривается, и на лице... печаль? Ностальгия?

О чём она грустит? Что вспоминает в месте, где никогда не была?

— Красиво, — говорит она тихо. — Но одиноко.

Слово ударяет в самую болезненную точку. Одиноко. Да, эта комната одинока. Как и весь дворец. Как и я.

— Одиночество — привилегия сильных, — отвечаю я жёстко. — Привыкайте.

Она поворачивается, и сквозь вуаль я снова вижу эти странные глаза.

— Возможно, — мягко говорит она. — Но даже сильные иногда нуждаются в тепле.

Тепло. Слово, которое я не слышал в применении к себе уже много лет. Когда-то я грелся у огня, под солнцем, в объятиях. Теперь не чувствую ни холода, ни тепла.

А что, если...?

— Вы слишком много говорите, — обрываю я опасную мысль. — Знайте своё место.

— Простите, ваше высочество. — Она кланяется, но голос без раскаяния.

Дерзкая. Или глупая. Или...

Подхожу ближе. Большинство людей инстинктивно отступают от меня — чувствуют хищника, смерть, опасность. Эта стоит неподвижно.

— Снимите вуаль. — Приказ срывается с губ. — Хочу видеть лицо жены.

Её руки поднимаются к голове, пальцы дрожат, но она слушается. Медленно стягивает красную ткань.

И мир останавливается.

Лицо... боги, какое лицо. Красивое, но не классически. В нём есть что-то западное, непривычное для наших земель. Высокие скулы, чуть раскосые глаза, губы, созданные для...

Стоп. Не думай об этом.

Но дело не в красоте. Дело в том, что глядя на это лицо, я чувствую... отголосок. Эхо чего-то давно умершего.

Словно видел её раньше. В снах? В видениях?

— Как вас зовут? — спрашиваю, хотя знаю ответ.

— Ли Яньхуа, ваше высочество.

Имя звучит знакомо. Слишком знакомо для первого раза.

— Яньхуа, — повторяю, пробуя на вкус. — "Огненный цветок". Красивое имя для красивой игрушки.

В её глазах вспыхивает гнев — яркий, живой, настоящий. Но она тут же прячет его.

Огонь. В ней есть огонь. Интересно, сколько времени потребуется, чтобы его погасить?

— Спасибо, ваше высочество, — говорит она ровно.

— Не благодарите. — Делаю ещё шаг, и теперь между нами дюймы. — Игрушки для того и созданы, чтобы быть красивыми. Пока не сломаются.

Протягиваю руку и касаюсь её щеки поверх перчатки.

И мир взрывается огнём.

Что это? Что происходит?

По руке ударяет молния ощущений. Не боль — я не чувствую боли. Но что-то другое. Тепло? Покалывание? Жизнь?

Двадцать лет мёртвой пустоты, и вдруг — это. Я чувствую её кожу сквозь шёлк перчатки. Чувствую тепло, пульс крови под нежной кожей.

Это невозможно. Я не должен...

Но отдёрнуть руку не могу. Эти ощущения — первые за двадцать лет — завораживают и ужасают.

Она тоже замирает, глаза широко распахнуты. На щеке, где лежит моя ладонь, проступает румянец.

— Что... — шепчу я, и голос срывается. — Что вы со мной делаете?

— Я? — Она качает головой, растерянно. — Ничего. Клянусь, я ничего не делаю.

Но вижу в её глазах то же потрясение. Она тоже почувствовала. Между нами пробежала искра чего-то невозможного.

Магия. Это может быть только магия.

— Какие чары используете? — Хватаю её за плечи обеими руками, и волна ощущений накрывает меня. — Какое колдовство?

— Никакого! — Она пытается вырваться, но я держу крепко. Не могу отпустить. Эти ощущения... они возвращают меня к жизни. — Я не умею колдовать!

— Лжёте! — Притягиваю ближе, изучаю лицо. — Обычные люди не могут... не могут заставить мёртвого чувство-

вать!

— Мёртвого? — В её голосе... сочувствие? — Вы не мёртвый. Вы...

— Я что? — рычу я. — Что я такое, по-вашему?

— Раненый, — шепчет она, и слёзы блестят в глазах. — Глубоко, смертельно раненый. Но не мёртвый.

Слова ударяют точно в цель. В ту точку, где когда-то было сердце.

— Двадцать лет, — говорю я, и голос ломается. — Двадцать лет я ничего не чувствую. Ни боли, ни удовольствия, ни тепла. Ничего. А вы... одним прикосновением...

— Что? — шепчет она. — Что происходит?

— Я чувствую вас. — Слова вырываются против воли. — Сквозь перчатки, сквозь одежду. Чувствую ваше тепло, вашу жизнь. Впервые за двадцать лет.

Она смотрит на меня, и страха в глазах больше нет. Есть понимание. Сострадание.

— Это должно быть... ужасно, — шепчет она. — Жить и не чувствовать. Как быть живым призраком.

Живой призрак. Точное определение.

— Не смейте меня жалеть! — срываюсь я. — Ваша жалость мне не нужна!

— Это не жалость, — тихо отвечает она. — Это понимание. Потому что я тоже... я тоже знаю, что значит умереть, оставаясь живой.

Что она имеет в виду? Какая может быть у неё боль?

Но смотрю в её глаза и вижу: боль настоящая. Глубокая, как моя.

— Откуда у вас эта боль? — спрашиваю против воли.

Слеза скатывается по её щеке — горячая, солёная, живая.

— Это... долгая история. — Голос дрожит. — Очень печальная история.

У неё есть тайны. Тайны, которые ранят.

Странно, но впервые за много лет я чувствую любопытство к другому человеку.

— Расскажите, — требую я.

— Может быть, когда-нибудь, — отвечает она, вытирая слезу. — Но не сегодня. Сегодня у нас свадьба.

Свадьба. Комедия для придворных, демонстрация политического союза.

— Да, — говорю я, отпуская её. Расстояние помогает думать. — Свадьба. Готовьтесь. Через час пришлю слуг.

Поворачиваюсь к двери, но её голос останавливает:

— Ваше высочество?

— Что?

— Спасибо... за то, что пока не сделали мне больно.

Слово "пока" звучит как предсказание. Мы оба знаем: боль неизбежна. Я не умею быть рядом с живыми, не разрушая их.

Выхожу и закрываю дверь. Прислоняюсь спиной к дереву, закрываю глаза.

Что происходит? Что эта женщина со мной делает?

Поднимаю руки в перчатках — те самые руки, которыми касался её. Кажется, пальцы до сих пор хранят память о тепле.

Двадцать лет пустоты. И вдруг — она.

Человеческая самка, которую я должен презирать. Вместо этого я... что? Нуждаюсь в ней? Боюсь её?

Она опасна. Опаснее армии врагов. Потому что может заставить меня снова чувствовать. А чувства — это слабость.

А слабость в моём мире — смерть.

Но идя по коридору к своим покоям, я знаю: уже поздно. Что-то изменилось в момент нашего прикосновения. Что-то проснулось после долгого сна.

Проклятая женищина. Что ты со мной сделала?

За спиной слышу звуки из её комнаты — подготовку к банкету. И впервые за двадцать лет жду встречи с нетерпением.

Пусть это нетерпение смешано с ужасом.

Если она может заставить меня чувствовать, то может и сломать меня окончательно.

Но что, если... что, если она может не сломать, а исцелить?

Опасная мысль. Слишком опасная.

Лучше убить её сейчас, пока не поздно.

Но даже думая это, знаю: не смогу. Не смогу уничтожить единственное, что заставляет мёртвое сердце снова биться.

Пусть этот ритм означает мою гибель.

Эпиграф: #####

"Сердце изо льда, все сущее — пустота"

Буддийское изречение о состоянии полного отречения от мира. Но в контексте истории приобретает трагический смысл: иногда пустота не просветление, а проклятие. И только прикосновение другой души может растопить лёд и вернуть способность чувствовать — даже если это означает снова научиться страдать.

Глава 4

#####

"Кровь как свидетель, сердце как клятва, до смерти верность"

Тронный зал дворца лисьих духов, вечер свадебного дня

Я стою в центре тронного зала, и чувствую на себе тысячи глаз.

Зал огромен — настолько, что потолок теряется в тенях, а эхо шагов отдаётся от стен секундами позже. Колонны из чёрного мрамора поднимаются к сводам, словно деревья в мрачном лесу. На стенах — золотые драконы и фениксы, их глаза из драгоценных камней следят за каждым движением. Тысячи свечей бросают танцующие тени, превращая зал в живой организм из света и тьмы.

Но не архитектура пугает меня. Пугают они — придворные лисы.

Сотни существ в человеческом облике сидят за длинными столами, установленными полукругом. Красивые, изящные, с глазами цвета янтаря и золота. В их взглядах холодное любопытство, презрение, откровенная враждебность.

Они смотрят на меня как на диковинного зверя в клетке. Или как на жертву перед заклинием.

Красное свадебное платье кажется тяжёлым как доспехи. Золотые украшения звенят при каждом вздохе — погребальным звоном. Волосы уложены в сложную причёску, украшенную жемчугом и нефритом, но под тяжестью драгоценностей затылок ноет от боли.

Рядом со мной — он. Принц Лэн Цзюе.

В парадных чёрных одеждах, расшитых золотыми драконами, он выглядит как воплощение тьмы. Красивый, холодный, недостижимый. На лице — маска равнодушия, но я помню то, что произошло в моих покоях. Момент, когда он коснулся моей щеки, и в его золотых глазах мелькнуло что-то живое.

Что-то человеческое.

— Почтенные подданные, — голос императора лисов разносится по залу, и все разговоры мгновенно стихают. — Сегодня великий день для нашего народа. День, когда заключается союз, который принесёт мир нашим землям.

Император Лэн Тяньша сидит на троне из чёрного нефрита, возвышающемся над залом. Даже больной, прикованный к креслу невидимой болезнью, он внушает ужас. Лицо жёсткое, изрезанное морщинами, глаза цвета расплавленного золота пылают злобой. Когда он смотрит на меня, кожа покрывается мурашками.

Он меня ненавидит. За то, что я человек. За то, что "порчу" кровь династии. За то, что существую.

— Принц Лэн Цзюе, — продолжает император, и в голо-

се слышится что-то похожее на отвращение, — берёт в жены дочь генерала Ли. Пусть их союз станет мостом между нашими народами.

Мост. Красивое слово для того, по чему будут ходить, пока не сломается.

Цзюе делает шаг вперёд, и я иду за ним к центру зала, где приготовлен ритуальный алтарь. Мраморная плита, на которой лежат древние артефакты: кинжал с лезвием из лунного камня, чаша из белого нефрита, свитки с заклинаниями.

Кровавый ритуал. Они собираются скрепить наш брак кровью.

— Ритуал кровавого союза, — объявляет верховный жрец, древний лис с седой бородой и глазами цвета зимнего неба, — связывает не только тела, но и души. Отныне ваши жизни будут переплетены навеки.

Навеки. Слово падает в душу тяжёлым камнем.

Жрец поднимает кинжал, и лезвие ловит свет свечей, превращаясь в полосу лунного огня.

— Принц Лэн Цзюе, протяните руку.

Мой муж — *муж, как странно звучит это слово* — снимает левую перчатку. Первый раз за всё время я вижу его обнажённую кожу. Рука красивая, изящная, с длинными пальцами музыканта. Никаких ногтей или чешуи, как шептали слуги. Просто рука мужчины, который разучился чувствовать.

Жрец делает надрез на ладони, и кровь — тёмно-красная,

почти чёрная — стекает в нефритовую чашу. Цзюе не морщится, не вздрагивает. Смотрит на собственную кровь с таким же равнодушием, с каким смотрел бы на дождь.

Он действительно не чувствует боли. Какое это должно быть одиночество — не чувствовать даже собственных ран.

— Принцесса Ли Яньхуа, — жрец поворачивается ко мне, — ваша рука.

Я протягиваю левую руку, и она дрожит. Не от страха — от предчувствия. Что-то должно произойти. Что-то важное, необратимое.

Лезвие касается кожи — холодное, острое. Боль яркая, живая, заставляет меня зажмуриться. Кровь течёт по пальцам, капает в чашу, смешиваясь с кровью мужа.

И в этот момент происходит невозможное.

Вспышка. Ослепительная вспышка света, которая заставляет всех в зале закрыть глаза. Но я не закрываю. Потому что вижу то, чего не видят другие.

Видение.

Я стою в том же зале, но он другой. Стены украшены не золотыми драконами, а серебряными фениксами. За окнами не ночь, а рассвет. И рядом со мной...

Рядом со мной тот же мужчина. Принц Лэн Цзюе. Но глаза его не пустые, а полные боли, страсти, отчаяния. Он держит мою руку, и по его щекам текут слёзы.

— Прости меня, — шепчет он. — Прости за всё, что я

сделал с тобой. За всю боль, которую причинил.

— Ты не виноват, — отвечаю я, и голос мой звучит по-другому. Старше. Устало. — Мы оба были рабами своих ран.

— Я научился чувствовать благодаря тебе. Научился любить. Но научился и терять.

— Любовь не знает поражений, — говорю я, касаясь его лица. — Даже смерть не может её победить.

Он целует мою ладонь, и в этом поцелуе вся боль мира.

— Обещай мне, — шепчет он, — что найдёшь меня снова. В следующей жизни, в любой другой. Обещай, что мы встретимся.

— Обещаю, — отвечаю я, и слёзы жгут глаза. — Клянусь своей душой.

Что это? Видение будущего? Или... воспоминание?

Вспышка гаснет, и я снова в настоящем. В зале стоит мёртвая тишина. Все смотрят на алтарь с ужасом.

Нефритовая чаша треснула. Наша смешанная кровь дымит, словно раскалённый металл. А в воздухе над алтарём мерцает символ — древний иероглиф, который я не умею читать, но понимаю.

Судьба.

— Что... что это означает? — шепчет кто-то из придворных.

Верховный жрец бледен как полотно, руки его дрожат.

— Это... это знак, — говорит он дрожащим голосом. — Знак того, что их души связаны не только в этой жизни. Это

связь, которая длится вечность.

Вечность. Слово эхом отдаётся в моей душе.

Я поворачиваюсь к Цзюе, и вижу в его глазах то же потрясение, что чувствую сама. Он тоже видел. Тоже понял.

Мы не просто заключаем политический союз. Мы воссоединяемся. Снова.

— Ритуал завершён, — объявляет жрец, но голос звучит неуверенно. — Принц и принцесса связаны священными узами.

Но никто не аплодирует. Все слишком потрясены тем, что произошло.

Император встаёт с трона, опираясь на резной посох, и лицо его искажено яростью.

— Что за колдовство? — рычит он, глядя на меня. — Что за чары использовала эта человечка?

— Никаких чар, ваше величество, — отвечаю я, и удивляюсь спокойствию собственного голоса. — Просто судьба.

— Судьба? — Он смеётся, но смех похож на рычание зверя. — Судьба не связывает лисов с людьми! Судьба не...

Он не договаривает. Внезапно хватается за грудь, лицо кривится от боли, и он падает обратно на трон.

— Отец! — Цзюе бросается к нему, но император отталкивает сына.

— Не... прикасайся... — хрипит он. — Ты осквернил себя... связью с ней...

И теряет сознание.

Зал взрывается криками, суетой. Придворные врачи бегут к трону, слуги носятся с лекарствами. Но среди всего этого хаоса я слышу шёпот:

— Проклятие...

— Она принесла проклятие...

— Человеческая ведьма...

Они винят меня. За болезнь императора, за странное видение, за всё.

Цзюе поворачивается ко мне, и в его глазах буря эмоций. Гнев, страх, что-то похожее на... вину?

— Вы довольны? — шипит он, подходя ближе. — Довольны тем, что разрушили мою семью?

— Я ничего не делала! — отвечаю я, но голос дрожит. — Я не виновата в болезни вашего отца!

— Нет? — Он хватает меня за запястье, и я чувствую силу его пальцев. — Тогда объясните, что произошло во время ритуала. Объясните это видение!

Как объяснить то, что не понимаю сама?

— Я не знаю, — шепчу я. — Клянусь, я не знаю.

Он смотрит в мои глаза долго, изучающе. Ищет ложь. Находит только растерянность.

— Может быть, — говорит он тихо, — и не знаете. Но это ничего не меняет.

Отпускает меня и отступает.

— С этого момента вы под домашним арестом. Не покидать своих покоев без разрешения. Не общаться с прислугой

больше необходимого.

— Но...

— Без возражений! — рычит он, и в голосе столько ярости, что я отшатываюсь. — Вы принесли проклятие в мой дом. Причинили боль моему отцу. И пока я не пойму, как это исправить, вы будете под замком.

Он поворачивается и идёт к трону, где придворные врачи склонились над императором. Оставляет меня одну среди враждебных взглядов.

Узница. Я стала узницей в день собственной свадьбы.

Слуги подходят ко мне — не те добрые девушки, что помогали одеваться, а суровые стражи в форме дворцовой охраны.

— Принцесса, — говорит один из них холодно, — пройдёте в ваши покои.

Иду за ними, а зал провожает меня шёпотом и взглядами, полными ненависти.

"Проклятая..."

"Ведьма..."

"Принесла несчастье..."

Каждое слово режет по живому. Но больше всего болит взгляд Цзюе. В нём разочарование. Злость. И что-то похожее на предательство.

Он думает, что я его обманула. Что специально устроила этот спектакль.

Как объяснить ему то, что не понимаю сама? Как расска-

зать о видении, которое могло быть сном, воспоминанием или пророчеством?

Как сказать, что, возможно, мы действительно встречались раньше? В другой жизни, в другом времени?

Мои покои теперь действительно тюрьма. У дверей стоят стражи, окна заперты на решётки. Даже Мэйли, моя служанка, заменена на молчаливую женщину средних лет, которая смотрит на меня как на опасного зверя.

Я сижу у окна и смотрю на сад, освещённый лунным светом. Где-то там, в других покоях дворца, умирает император. Где-то там Цзюе мучается вопросами, на которые нет ответов.

А я здесь. Одна. С воспоминаниями о видении, которое может изменить всё.

Поднимаю левую руку — ту, что резал жрец. Порез затянулся, но шрам остался. Маленький, тонкий, как серебряная нить.

Кровавый союз. Мы действительно связаны теперь. Навеки.

Но связь эта — не благословение. Это проклятие. Для него, для меня, для обоих наших народов.

Что, если видение было правдой? Что, если мы действительно любили друг друга в прошлой жизни? И что, если эта любовь принесла нам только боль?

За окном кричит ночная птица — долго, печально. Звук, который в Китае считается предвестником смерти.

Чьей смерти? Императора? Моей? Или той надежды, что между мной и принцем может быть что-то большее, чем ненависть?

Я закрываю глаза и вижу снова: его лицо в видении, полное боли и любви. Слезы на его щеках. Отчаянный поцелуй моей ладони.

"Обещай, что найдёшь меня снова..."

"Обещаю..."

Что, если я уже выполнила это обещание? Что, если моя смерть в пекинском переулке, переселение души в тело Янь-хуа — всё это способ вернуться к нему?

Тогда почему он меня не узнаёт? Почему смотрит как на врага?

Ответ приходит сам собой, холодный и беспощадный:

Потому что он забыл, как любить. Двадцать лет без чувств стёрли даже память о них.

Значит, мне предстоит не просто выжить в этом враждебном мире. Мне предстоит научить его любить заново.

Даже если это будет стоить мне жизни.

Открываю глаза и смотрю на луну. Полная, яркая, безжалостная. Она освещает мой путь — трудный, болезненный, возможно, ведущий к гибели.

Но это мой путь. Путь, который я выбрала, дав обещание в прошлой жизни.

Что ж. Обещания нужно держать.

Даже если они разобьют тебе сердце.

Эпиграф:

"Кровь как свидетель, сердце как клятва, до смерти верность"

Древняя формула свадебных клятв в Китае, которая в данном контексте приобретает мистический смысл: кровь становится мостом между прошлым и настоящим, между двумя душами, связанными судьбой через века. Верность здесь означает не только преданность в браке, но и верность обещанию, данному в другой жизни.

Глава 5

#####

"Тело в аду, сердце как пепел, откуда взяться нежности"

Покои принца Лэн Цзюе, глубокая ночь

Отец умирает.

Я стою у окна своих покоев и смотрю на луну, а в голове только эта мысль. Император лисьих духов, мой отец, который казнил мою мать и превратил мою жизнь в ад, лежит при смерти. Придворные лекари суетятся вокруг него, но я вижу правду в их глазах.

Дни. Может быть, часы.

И всё из-за неё.

Из-за этой человечки, которая принесла проклятие в наш дом. Которая заставила треснуть священную чашу одним лишь прикосновением. Которая...

Которая заставила меня чувствовать.

Сжимаю кулаки в чёрных перчатках, и суставы хрустят. Даже сейчас, когда между нами стены дворца, я помню ощущение её кожи под моими пальцами. Тепло, которое пробило двадцатилетнюю пустоту.

Проклятая ведьма. Что ты со мной сделала?

За дверью раздаётся тихий стук.

— Ваше высочество, — голос слуги дрожит от страха, —

принцесса ждёт вас в своих покоях.

Принцесса. Моя жена. По закону, по ритуалу, по крови — моя.

Странно, но слово "жена" не вызывает во мне ничего. Ни отвращения, ни желания, ни злости. Только... любопытство? Потребность понять, что произошло во время ритуала.

— Иду, — отвечаю я и поворачиваюсь от окна.

Первая брачная ночь. Традиция, которую я должен исполнить. Долг, который я должен выполнить.

Хорошо. Пусть будет так.

Иду по коридорам дворца, мои шаги эхом отдаются от мраморных стен. Факелы бросают танцующие тени, превращая привычные проходы в лабиринт кошмаров. Слуги, встречающиеся на пути, падают в поклонах, не смея поднять глаза.

Они боятся меня. Все боятся. И правильно делают.

Останавливаюсь перед дверями её покоев. За резным деревом — женщина, которая стала причиной хаоса в моей жизни. Которая разрушила мою красивую, мёртвую пустоту.

Что я чувствую к ней? Ненависть? Любопытство? Или...

Нет. Я не чувствую ничего. Не могу чувствовать. Это была аномалия, временное помутнение рассудка.

Сегодня я это докажу.

Толкаю дверь, не стучась. Вхожу как хозяин на свою территорию.

Она сидит на краю кровати, в белом ночном ханьфу, во-

лосы распушены по плечам чёрным водопадом. Свечи бросают мягкий свет на её лицо, и я невольно замечаю — красивая. Очень красивая.

Красота — ещё один обман. Мать тоже была красивой.

— Ваше высочество, — она встаёт, кланяется. Движения изящные, но я вижу напряжение в каждой линии тела. — Я... я ждала вас.

— Конечно, ждала. — Закрываю дверь за собой, поворачиваю ключ. — Ты моя жена. Сегодня наша первая ночь.

Слова звучат формально, без эмоций. Как констатация факта.

Подхожу ближе, изучаю её лицо. Ищу страх, который должен быть в глазах девственницы перед первой близостью. Нахожу... сострадание?

Что за чушь? Она жалеет меня?

— Ты не боишься? — спрашиваю, останавливаясь в шаге от неё.

— Должна? — отвечает она тихо, и в голосе что-то странное. Печаль? Понимание?

— Да. — Протягиваю руку, касаюсь её щеки поверх перчатки. — Потому что то, что сейчас произойдёт, принесёт тебе только боль.

И снова. Снова эта чёртова вспышка ощущений. Тепло её кожи пробивается сквозь шёлк, как солнечный луч сквозь тучи. Я чувствую её, и это...

Нет. Не сейчас.

Резко отдёргиваю руку, отступаю.

— Раздевайся, — приказываю холодно. — Медленно. Хочу видеть, что купил мой отец.

Она вздрагивает от жёстких слов, но слушается. Руки поднимаются к завязкам ханьфу, пальцы дрожат.

Наконец-то страх. Это хорошо. Страх я понимаю.

Белый шёлк скользит по плечам, падает на пол. Остаётся тонкая нижняя рубашка, сквозь которую просвечивает силуэт. Красивый силуэт. Изящный.

Просто тело. Ничего особенного. Я видел тысячи таких.

— Всё, — требую я. — До конца.

Последний слой ткани падает к её ногам. Она стоит обнажённая в мерцающем свете свечей, и я должен чувствовать желание. Должен хотеть её.

Но не чувствую ничего.

Хорошо. Всё как обычно. Пустота.

— Ложись на кровать, — говорю я, начиная расстёгивать собственную одежду. — На спину.

Она повинуетя, но движения скованные. Ложится на красные шёлковые простыни, сжимает руки в кулаки.

Бойтся. Правильно.

Я раздеваюсь методично, аккуратно складывая каждую вещь. Перчатки не снимаю — не хочу касаться её голыми руками. Не хочу снова чувствовать это проклятое тепло.

Подхожу к кровати, смотрю на неё сверху вниз. Она лежит с закрытыми глазами, дышит часто, неровно.

— Смотри на меня, — приказываю.

Глаза открываются. Большие, тёмные, полные... чего? Не страха. Чего-то другого.

— Ты понимаешь, что сейчас произойдёт? — спрашиваю, ложась рядом.

— Да, — шепчет она.

— И ты понимаешь, что мне всё равно, готова ты или нет?

Пауза. Потом тихо:

— Да.

— Хорошо. — Нависаю над ней, опираясь на руки. — Тогда начнём.

Глава 6

Касаюсь её губ своими — и мир взрывается.

Что за...?

Её губы мягкие, тёплые, и я ЧУВСТВУЮ их. Не просто касание — ощущение. Вкус, текстуру, тепло. Двадцать лет мёртвой пустоты, а сейчас...

Отрываюсь резко, смотрю на неё с ужасом.

— Что ты со мной делаешь? — хрипло спрашиваю.

— Ничего, — шепчет она, но в глазах удивление. — Я ничего не делаю.

Ложь. Она что-то делает. Колдует. Иначе почему я чувствую её губы как живые?

Опускаюсь к её шее, целую осторожно — и снова. Кожа под губами не просто тёплая. Она живая. Пульсирует. Я чувствую биение её сердца через тонкую кожу.

Невозможно.

Но её дыхание учащается, тело напрягается под моими прикосновениями. Она реагирует на меня, а я...

Я мёртва. Как всегда.

— Больно? — спрашиваю, и голос дрожит от злости на самого себя.

— Нет, — отвечает она, но голос тоже дрожит. — Просто... вы чувствуете меня, правда?

Проклятье.

— Заткнись, — рычу я, но продолжаю гладить её кожу. И каждое прикосновение — это откровение. Гладкость, тепло, мягкость. Ощущения, которых не было двадцать лет.

Как это возможно? Почему только с ней?

Руки скользят по её телу, и я в ужасе понимаю — я чувствую каждый дюйм кожи. Изгибы, впадинки, места, где пульс бьётся сильнее.

— Проклятая ведьма, — шепчу я, целуя грудь. — Что ты со мной сделала?

Она выгибается под моими губами, и я чувствую это движение всем телом. Её дыхание учащается, и я слышу каждый вздох, словно музыку.

— Принц... — вдруг шепчет она, и я поднимаю глаза.

— Что?

— Вы... вы что-то чувствуете?

БОЖЕ, да. Я чувствую всё. Каждый дюйм твоей кожи, каждое биение твоего сердца.

— Нет, — лгу я холодно. — Ничего не изменилось.

Но внутри меня бушует ураган. Её кожа под моими губами живая, пульсирующая. Я чувствую вкус её кожи, запах волос, тепло дыхания.

Что она со мной делает? Как это возможно?

— Понятно, — тихо отвечает она, и в голосе разочарование.

Хорошо. Пусть разочаровывается. Лучшие, чем знать

правду.

— Не надейся на чувства, — говорю я жёстко, раздвигая её ноги. — Для меня ты просто тело. Красивое, но не более того.

Ложь. Чудовищная ложь. Но она не должна знать, что происходит со мной.

Устраиваюсь между её ног, и даже это прикосновение кожи к коже взрывает сознание ощущениями. Но лицо остаётся каменным.

Вхожу в неё одним движением, и мир переворачивается.
ГОСПОДИ.

Тепло, тесно, и я чувствую каждый миллиметр. Впервые за годы — настоящие ощущения от близости. Не пустота, а жизнь.

Но она не должна знать.

— Больно? — спрашиваю равнодушно, хотя внутри всё кричит от потрясения.

— Немного, — шепчет она.

— Привыкнешь, — отвечаю холодно, будто мне всё равно.

Жду, пока она привыкнет, и начинаю двигаться. Медленно, контролируя каждое движение, каждое выражение лица.

Не показывать. Ни в коем случае не показывать.

Но внутри меня ад. Каждое движение — это взрыв ощущений. Я чувствую, как её тело принимает моё, как мышцы сжимаются вокруг. Чувствую каждый её вздох, каждое движение бёдер.

Это невозможно. Двадцать лет пустоты, а сейчас...

— Всё в порядке? — спрашиваю механически, продолжая размеренные движения.

— Да, — отвечает она тихо. — А у вас?

— Обычное дело, — лгу я. — Ничего особенного.

ЛОЖЬ! Это не обычное дело! Это первый раз за годы, когда я действительно чувствую близость!

Ускоряю ритм, и каждое движение приближает меня к краю. К тому, чего не было уже так долго, что я забыл, каково это.

— Цзюе... — шепчет она, и имя на её губах почти доводит до безумия.

— Молчи, — приказываю я, сжав зубы. — Просто... молчи.

Потому что если ты будешь говорить, я сорвусь. Покажу, что ты делаешь со мной.

— Цзюе... — шепчет она, и имя звучит странно в её устах. Не "ваше высочество", не "принц". Просто имя.

— Что? — Не прекращаю движений, продолжаю механический ритм.

— Ничего. — Она закрывает глаза, и по щеке скатывается слеза. — Просто... хотелось произнести ваше имя.

Слеза. От боли? От разочарования? От того, что её первый раз оказался с мёртвым мужем?

Странно, но эта слеза заставляет меня почувствовать что-то. Не физически — эмоционально. Что-то похожее на... ви-

ну?

Нет. Это невозможно. Я не способен на вину.

Ускоряю ритм, хочу закончить быстрее. Довести до логического завершения этот театр. Делаю то, что должен делать тело, имитирую то, что должен чувствовать.

И тут это происходит.

Волна накрывает меня так неожиданно, что я едва сдерживаю крик. Настоящий оргазм — первый за много лет. Тело содрогается, мышцы сжимаются, и в голове взрыв белого света.

БОЖЕ. БОЖЕ. БОЖЕ.

Кончаю так сильно, что мир исчезает на несколько секунд. Просто исчезает, оставляя только чистое, животное наслаждение.

Но лицо остаётся каменным. Ни звука. Ни движения лишнего.

Откатываюсь в сторону, тяжело дышу, но стараюсь, чтобы дыхание казалось нормальным.

Что это было? Что, чёрт возьми, это было?

Она лежит рядом, дыхание постепенно выравнивается. Между ног кровь — свидетельство её невинности, которую я только что взял.

— Больно? — спрашиваю в третий раз.

— Нет, — отвечает она тихо. — Уже нет.

Поворачиваюсь к ней, изучаю профиль в лунном свете.

— Как было? — спрашиваю равнодушно, глядя в потолок.

Внутри хаос. Потрясение. Ужас от того, что произошло. Но она не должна знать.

— Нормально, — тихо отвечает она.

— Хорошо. — Поворачиваюсь к ней, и лицо абсолютно спокойно. — Для первого раза сойдёт.

Ложь. Это был лучший секс в моей жизни. Первый настоящий за двадцать лет.

— А для вас? — спрашивает она осторожно.

— Обычно, — пожимаю плечами. — Ничего особенного. Как с любой другой женщиной.

Вижу, как что-то гаснет в её глазах, и хочется ударить себя. Но нужно лгать. Обязательно лгать.

— Понятно, — шепчет она.

— Ты справилась неплохо, — добавляю холодно, начиная одеваться. — Для первого раза.

Проклятье. Почему я говорю такие вещи?

— Спасибо, — отвечает она, и в голосе нет сарказма. Только грусть.

Не смотри на меня так. Не заставляй чувствовать вину.

— Спокойной ночи, — говорю я, направляясь к двери. — Завтра обсудим твои обязанности как жены.

— Принц?

Останавливаюсь, не оборачиваясь.

— Что?

— Я... я надеялась, что между нами может быть что-то большее.

ЕСТЬ! Есть что-то большее! Ты заставила меня почувствовать себя живым!

— Надежды — удел слабых, — отвечаю холодно. — Между нами только то, что есть. Политический союз и супружеский долг.

Прости меня. Прости за ложь.

Выхожу, закрываю дверь, и только тогда позволяю себе прислониться к стене.

Руки дрожат. Всё тело дрожит от пережитого.

Что она со мной сделала? Как заставила почувствовать то, чего не было двадцать лет?

И божье... как я хочу вернуться и сделать это снова.

Эпиграф: #####

"Тело в аду, сердце как пепел, откуда взяться нежности"
Древнее изречение о том, что человек, переживший глубокую травму, теряет способность к нежности и близости. Но иногда именно встреча с такой же раненой душой может пробудить то, что казалось навсегда утраченным. В буддийской философии это называется "взаимным исцелением через сострадание".

Глава 7

#####

"Унижение как яд проникает до костей, но сильные не ломаются"

Дворец лисьих духов, утро после свадебной ночи

Я просыпаюсь от звука открывающейся двери.

Солнце едва поднялось над горизонтом, окрашивая небо в нежно-розовые тона, а в мои покои уже входят слуги. Не те добрые девушки, что помогали мне вчера готовиться к свадьбе. Это суровые женщины в серых одеждах, с лицами как каменные маски.

— Вставайте, — говорит старшая холодно. — Его высочество ждёт.

Я сажусь на кровати, натягивая одеяло до подбородка. Тепло ноет после ночи — не от боли, а от непривычности близости. Но большее всего память о его лице, когда он уходил. Равнодушное. Пустое. словно то, что произошло между нами, было обычной формальностью.

А для него так и было.

— Одевайтесь, — повторяет служанка, и в голосе нетерпение. — Принц не любит ждать.

Мне подадут не красивый ханьфу принцессы, а простое платье серого цвета. Грубая ткань, никаких украшений.

Одежда слуги.

— Это ошибка, — говорю я, но голос звучит неуверенно.
— Я принцесса...

— Вы то, кем вас считает принц, — обрывает меня женщина. — А принц считает вас своей личной прислугой.

Слова ударяют как пощёчина. Личная прислуга. Значит, он решил унижить меня с самого утра после нашей близости.

Наказать за то, что заставила его почувствовать.

Я одеваюсь молча, пока служанки стоят и смотрят. Серое платье сидит свободно, волосы они заплетают в простую косу без украшений. В зеркале я вижу незнакомую девушку — бледную, испуганную, одетую как прислуга.

Арина Волкова, международная певица, стала китайской служанкой. Какая ирония судьбы.

— Идёмте, — приказывает старшая.

Мы идём по коридорам дворца, и я чувствую взгляды других слуг. Презрительные, злорадные. Вчера я была принцессой, а сегодня опустилась до их уровня. Или даже ниже — потому что я человек среди демонов.

Упавшая звезда. Сломанная игрушка.

Мы останавливаемся у дверей покоев принца. Сердце бьётся так громко, что кажется, весь дворец слышит этот барабанный бой.

— Входите, — доносится его голос из-за двери.

Толкаю резные створки и вхожу.

Он сидит за низким столиком, завтракая. Одет в чёрный

ханьфу с золотой вышивкой, волосы убраны в высокий пучок, лицо спокойно и безразлично. Красивый как статуя, холодный как зимнее утро.

И ни намёка на то, что вчера между нами происходило.

— А, жена пришла, — говорит он, не поднимая глаз от еды. — Вернее, бывшая жена. Сегодня ты моя личная слуга.

— Я не понимаю, — шепчу я.

— Что тут непонятного? — Он наконец смотрит на меня, и в золотых глазах ледяное равнодушие. — Ты разочаровала меня в постели. Была слишком скучной, слишком безответной. Зачем мне такая жена?

Каждое слово как удар хлыстом. Я знаю, что он лжёт — видела в его глазах во время близости что-то другое. Но ложь режет не менее больно, чем правда.

— Поэтому, — продолжает он спокойно, — я решил найти тебе более подходящую роль. Ты будешь прислуживать мне. Подавать еду, убирать комнаты, помогать одеваться. Всё, что положено делать слуге.

— Но... но я ваша жена по закону...

— По закону ты можешь быть кем угодно, — перебивает он. — А по факту ты то, что я скажу. И я говорю — ты служанка.

Он встаёт, подходит ближе. Высокий, властный, пугающий. Я должна отступить, но заставляю себя стоять на месте.

— Первое задание, — говорит он, указывая на стол. — Убери посуду. Аккуратно, не разбей. Разбитая посуда будет

высечена из твоей кожи.

Он серьёзно. Действительно превращает меня в прислугу.

С дрожащими руками я начинаю собирать посуду. Фарфоровые чашки, нефритовые палочки для еды, серебряные блюда. Всё дорогое, изящное. Руки трясутся от унижения, и я едва не роняю чашку.

— Осторожнее, — мягко говорит он, но в голосе угроза.

— Эта чашка стоит больше, чем жизнь твоего отца.

Слёзы жгут глаза, но я не даю им пролиться. Не здесь. Не перед ним.

Не покажу слабость. Никогда.

— Хорошо, — говорит он, когда я заканчиваю. — Теперь второе задание. Сегодня у меня аудиенция с придворными. Ты будешь стоять рядом и подавать мне вино. Молча. Если произнесёшь хоть слово без разрешения — получишь наказание.

— Какое наказание? — не могу удержаться от вопроса.

Он улыбается, и эта улыбка страшнее любого гнева.

— Увидишь, если не послушаешься.

Час спустя я стою в тронном зале рядом с его креслом. В руках кувшин с вином, на лице выражение покорности, которое даётся с трудом.

Зал полон придворных лисов — красивых, изящных, одетых в шёлка и драгоценности. Они смотрят на меня с открытым презрением и злорадством.

Вчера они кланялись мне как принцессе. Сегодня видят во мне прислугу.

Принц сидит в кресле как истинный правитель — спина прямая, подбородок высоко поднят, глаза холодны. Рядом с ним я выгляжу жалкой тенью.

— Итак, — говорит он, обращаясь к собранию, — обсудим ситуацию на северных границах.

Начинается обычная аудиенция. Доклады, споры, решения. Я стою молча, как статуя, и лью вино всякий раз, когда он протягивает чашку.

Дышать. Просто дышать и терпеть.

— А что скажете о новом союзе с людьми? — спрашивает один из придворных, пожилой лис с седой бородой. — Оправдал ли он себя?

Принц бросает на меня быстрый взгляд.

— Союз... разочаровал, — говорит он медленно. — Люди оказались менее полезными, чем ожидалось.

Смешки по залу. Я сжимаю кувшин сильнее, костяшки белеют.

— Возможно, стоило выбрать другую... кандидатуру? — продолжает придворный, и в голосе плохо скрытая насмешка.

— Возможно, — соглашается принц. — Но что имеем, то имеем. По крайней мере, она неплохо справляется с ролью слуги.

Зал взрывается смехом. Жестоким, унижительным сме-

хом, который режет слух. Я стою и улыбаюсь покорно, хотя внутри всё кричит от боли.

Они смеются над тобой. Над тем, как низко ты пала.

— Налей мне вина, — говорит принц, протягивая чашку.

Я наклоняюсь, чтобы налить, и он специально двигает руку так, что часть вина проливается на его одежды.

— Неуклюжая, — говорит он с театральным вздохом. — Даже вино налить нормально не может.

Новый взрыв смеха. Я опускаю глаза, не доверяя себе смотреть на него.

— Простите, ваше высочество, — шепчу я.

— Прощаю, — милостиво отвечает он. — Но за неуклюжесть полагается наказание.

Сердце подпрыгивает к горлу.

— Встань на колени, — приказывает он.

Я смотрю на него с ужасом, но его лицо непреклонно. Медленно опускаюсь на колени прямо перед всем собранием.

Боже. Он действительно заставляет меня унижаться перед всеми.

— Попроси прощения, — говорит он. — Громко, чтобы все слышали.

— Прошу прощения, ваше высочество, — говорю я, и голос дрожит.

— За что просишь прощения?

— За... за неуклюжесть.

— И?

— И за то, что... что разочаровала вас.

— Хорошо, — говорит он после паузы. — Встань.

Я поднимаюсь на дрожащих ногах, и мир качается перед глазами. Унижение жжёт щёки огнём, а в зале стоит довольный шёпот.

Они наслаждаются моим падением.

Аудиенция продолжается ещё час. Я стою, наливаю вино, молчу. Каждая минута — испытание на прочность. Каждый взгляд — удар по самолюбию.

Но я не ломаюсь.

Ты можешь унижить моё тело, но не мою душу.

Когда придворные наконец расходятся, мы остаёмся одни. Принц сидит в кресле и смотрит на меня долго, изучающе.

— Неплохо, — говорит он наконец. — Для первого дня.

— Зачем? — спрашиваю я тихо. — Зачем вы это делаете?

— Делаю что?

— Унижаете меня. Превращаете в прислугу. Заставляете стоять на коленях перед всеми.

Он встаёт, подходит ближе. Я не отступаю, хотя каждый инстинкт кричит об опасности.

— Потому что ты забыла своё место, — говорит он холодно. — Подумала, что одна ночь в моей постели делает тебя особенной.

— Я никогда не думала...

— Лжёшь, — перебивает он. — Все женщины думают

одинаково. Что смогут изменить меня, приручить, сделать человечнее. Но я не меняюсь.

Он касается моего подбородка, заставляя поднять голову.

— Запомни раз и навсегда — ты ничего для меня не значишь. Ничего. Ты политический инструмент, который оказался бракованным. И теперь я найду тебе более подходящее применение.

Слова ранят больше любого физического наказания. Но я смотрю в его золотые глаза и вижу что-то, что не соответствует словам. Напряжение. Борьбу. Что-то, что он отчаянно пытается скрыть.

Ты лжешь. И мы оба это знаем.

— Понятно, — говорю я спокойно. — Могу ли я идти?

Он моргает, не ожидая такой реакции.

— Иди, — говорит он после паузы. — Завтра в тот же час. И каждый день после этого.

Я кланяюсь и иду к двери. У порога оборачиваюсь.

— Ваше высочество?

— Что?

— Если я всего лишь бракованный инструмент... зачем тратить на меня столько времени?

Вопрос повисает в воздухе. Он смотрит на меня, и в глазах мелькает что-то похожее на удивление. Или раздражение.

— Иди, — повторяет он тише.

Выхожу, закрываю дверь и прислоняюсь к ней спиной.

Первый день выжила. Сколько ещё впереди?

Мои новые покои оказываются маленькой комнаткой в крыле для слуг. Узкая кровать, простой стол, один стул. Никаких украшений, никакой роскоши. Сюда меня переселили, пока я была на аудиенции.

От принцессы до служанки за одну ночь.

Сажусь на кровать и наконец позволяю себе заплакать. Тихо, почти беззвучно. Слезы катятся по щекам — горячие, солёные, полные боли и унижения.

Почему? За что такая судьба?

Вспоминаю его лицо во время близости — не равнодушное, а живое. Удивлённое. Словно он почувствовал что-то новое. А сегодня он превратил меня в игрушку для своих садистских игр.

Наказывает за то, что заставила его почувствовать себя человеком.

За окном садится солнце, окрашивая небо в багряные тона. Красиво и печально одновременно. Как и моя жизнь в этом дворце.

Вытираю слёзы и встаю. Плакать — роскошь, которую я не могу себе позволить. Нужно выживать. Нужно быть сильной.

Он думает, что сломает меня унижениями. Но я выдержу. Потому что видела в его глазах правду.

Он не равнодушен ко мне. И это его пугает больше любого врага.

Завтра будет новый день. Новые испытания. Новые уни-

жения. Но я пройду через всё это, потому что где-то глубоко внутри чувствую — наша история только начинается.

И может быть, именно через боль и унижения мы найдём друг друга.

Или уничтожим.

Но это лучше, чем равнодушие.

#####

"Унижение как яд проникает до костей, но сильные не ломаются"

Древняя китайская мудрость о том, что истинная сила проявляется не в отсутствии боли, а в способности пережить её и остаться собой. В даосской философии считается, что самые глубокие раны могут стать источником самой большой силы, если человек не позволит им сломать свой дух.

Глава 8

#####

"Сердца созвучны через цин, родную душу трудно найти, когда мелодия кончается — слёзы как дождь"

Покои принца Лэн Цзюе, поздний вечер

Пальцы скользят по струнам цина, извлекая мелодию, которая родилась из пустоты.

Я сижу в своих покоях при свете одной свечи, и древний инструмент лежит на коленях как верный спутник. Семь струн из шёлка, корпус из тысячелетнего дерева, звук чистый и печальный, как осенний ветер среди бамбука.

Единственное, что осталось от прежнего меня.

Играю одну из своих мелодий — печальную, медленную, без названия. Руки помнят движения, даже когда душа мертва. Техника безупречна, каждая нота на своём месте, но музыка... музыка пуста. Как я сам.

Двадцать лет назад цин пел. Сейчас он просто звучит.

Сегодня был четвёртый день её "службы". Четвёртый день, когда я превращаю свою жену в прислугу, унижаю перед придворными, заставляю стоять на коленях.

И она не ломается.

Вот что меня бесит больше всего. Любая другая женщина уже рыдала бы, молила о пощаде, пыталась сбежать. Эта стоит прямо, смотрит мне в глаза и выполняет приказы с таким

достоинством, словно прислуживать мне — честь.

Что за тварь такая упрямая?

Мелодия становится резче, диссонансы режут воздух. Пальцы давят на струны сильнее, чем нужно, но боли нет. Как всегда.

Кроме тех моментов, когда она касается меня.

Воспоминание о свадебной ночи всплывает против воли. Её кожа под моими руками. Тепло, которое пробивалось сквозь перчатки, сквозь двадцатилетнюю анестезию. Ощущения, которых не должно было быть.

Проклятая ведьма. Что ты со мной сделала?

Играю громче, агрессивнее. Мелодия превращается в крик — безмолвный, отчаянный. Крик мёртвого, который не может умереть окончательно.

И тут я слышу это.

Голос. Тихий, осторожный, доносящийся откуда-то из глубины дворца. Кто-то подпевает моей мелодии словами:

"Лунный свет на воде дрожит,

Одинокая душа грустит,

В сердце боль, как острый нож,

На кого теперь похож?"

Невозможно.

Останавливаюсь, прислушиваюсь. Тишина. Но когда на-

чинаю играть снова, голос возвращается:

"Пустота в груди живёт,

Никого любовь не ждёт,

Холод в венах вместо крови,

Оживлю тебя любовью"

Но он понимает музыку. Чувствует каждую ноту, каждый переход. И слова... откуда такие слова?

Встаю с цинном в руках, иду к окну. Звук доносится из дальнего крыла дворца. Оттуда, где живёт прислуга.

Она. Это она поёт.

Не знаю, почему продолжаю играть. Должен остановиться, уйти, забыть о случайно услышанном. Но мелодия льётся сама собой, а голос из темноты отвечает ей:

"Сердце камнем стало вдруг,

Разорвался страсти круг,

Мать-изменница ушла,

Жизнь с собою забрала..."

Откуда она знает? Откуда знает про мать?

Играю другую мелодию — более сложную, с хитрыми модуляциями. Голос замолкает на мгновение, а потом осторож-

но подхватывает:

"Дворец как клетка золотой,

В нем принц живет с душой немой,

Власть сила, трон и даже честь,

Здесь не живут...здесь только месьть ..."

Она импровизирует. Сочиняет слова на ходу, и они точно попадают в суть.

Третья мелодия. Самая личная. Та, что сочинил в ночь после казни матери. Боль, вылитая в звуки, ярость, застывшая в нотах.

И она поёт:

"Красота в ее лице,

Но предательство — сердце,

Яд в чаше, смерть в объятьях,

Он не верит больше в клятвы..."

Как она может знать? Как может чувствовать то, что даже я пытаюсь забыть?

Резко бросаю цин на стол. Струны звенят протестующе, а из темноты доносится удивлённое "ох!" — голос, который не ожидал внезапной тишины.

Хватит. Довольно игр.

Но идти спать не могу. Хожу по комнате, как зверь в клетке. Мысли путаются, сердце бьётся неровно.

Что со мной не так? Почему эта женщина заставляет меня чувствовать себя... живым?

Подхожу к окну, смотрю в сторону её покоев. Там горит одинокая свеча. Она не спит.

О чём думает? О доме, который потеряла? О жизни, которая кончилась?

Или обо мне?

Последняя мысль пугает больше всего.

На следующее утро она приходит в обычное время. Серое платье, заплетённые волосы, покорное выражение лица. Но я замечаю тёмные круги под глазами — спала плохо.

Как и я.

— Доброе утро, ваше высочество, — говорит она, кланяясь.

— Доброго в нём мало, — отвечаю равнодушно. — Подготовь завтрак.

Она движется по комнате бесшумно, расставляет посуду, наливает чай. Каждый жест отточен, изящен. Не как у простой служанки.

Кто ты на самом деле? Откуда у дочери генерала такие манеры?

— Ты хорошо спала? — спрашиваю небрежно.

— Да, ваше высочество.

Ложь. Я же слышал, как она пела всю ночь.

— Интересно, — продолжаю я, наблюдая за её реакцией. — Мне показалось, что слышал пение. Поздно ночью. С очень... интересными словами.

Её рука дрогнула, чуть не уронив чашку.

— Простите, ваше высочество, не понимаю...

— Кто-то пел о предательстве матерей и одиноких принцах. — Я встаю, подхожу ближе. — Кто-то, кто знает слишком много.

Она бледнеет, но продолжает накрывать стол.

— Возможно, кто-то из служанок...

— Нет. — Останавливаюсь прямо за её спиной. — Голос был образованный. Тот, кто пел, понимает музыку.

Поворачиваюсь к ней лицом. Она избегает взгляда, но я вижу румянец на щеках.

— Это была ты.

Не вопрос. Утверждение.

— Я... я не хотела подслушивать, — шепчет она. — Просто не могла заснуть, и музыка была такой печальной... Слова сами приходили в голову.

— Откуда у служанки такие способности? — сужаю глаза. — Откуда знания о дворцовых тайнах?

— Я ничего не знаю, — быстро отвечает она. — Просто... чувствую музыку. Слова рождаются сами собой.

Слова ударяют точно в цель. Хватаю её за подбородок, заставляю смотреть в глаза.

— Опасно сочинять песни о том, чего не знаешь.

— Я ничего не сочиняла, — в её голосе страх, но и упрямство. — Музыка сама рассказывает свою историю.

— Музыка не говорит о предательстве матерей случайным служанкам.

— Говорит тем, кто умеет слушать, — тихо отвечает она.

Что за дерзость? И почему мне хочется услышать больше?

— Хватит, — говорю я резко. — Не твоё дело сочинять песни о моей жизни.

— Конечно, ваше высочество. — Она отступает, возвращается к столу. — Простите за дерзость. Больше не повторится.

Но что-то внутри меня не хочет, чтобы она замолчала.

Завтракаю в молчании, а она стоит рядом со кувшином. Каждое движение правильное, каждый жест покорный. Но теперь я знаю — под маской служанки скрывается певица. Артистка, которая понимает искусство.

И боль.

— Сегодня вечером, — говорю я, заканчивая есть, — придёшь в мои покои. После ужина.

— Слушаюсь, ваше высочество.

— И покажешь, откуда берутся эти слова. Споёшь ещё раз.

Она вздрагивает.

— Но я... я не умею петь при людях...

— Научись. — Встаю, иду к двери. — Или будешь наказана за обман.

Оставляю её одну с мыслями о предстоящем вечере.

Хочу услышать её голос вблизи. Понять, что за тайна скрывается за этими глазами.

И может быть... впервые за двадцать лет сыграть для кого-то, кто действительно слушает.

Вечер приходит медленно, словно сам день боится того, что произойдёт. Я сижу в покоях, настраиваю цин, и руки дрожат. Впервые за годы — дрожат.

Почему я нервничаю? Это просто слуга. Просто женищина.

Но она понимает музыку. Мою мертвую музыку, которую оживили ее слова и доставили столько боли. Как будто мертвое сердце могло ожить, могло снова чувствовать...БОЛЬ.

Стук в дверь.

— Войди.

Она входит с цинном в руках — простым, учебным, не таким изысканным, как мой. Ставит его на стол, кланяется.

— Ваше высочество.

— Садись, — указываю на подушку напротив. — Покажи, что умеешь.

Она садится осторожно, берёт инструмент на колени. Пальцы касаются струн неуверенно.

— Я правда не играю...

— Тогда пой, — перебиваю я. — Пой то, что чувствуешь. Долгая пауза. Потом она закрывает глаза и начинает.

Голос льётся медленно, осторожно. Мелодия незнакомая, слова на языке, которого я не понимаю. Но не нужно понимать слова, чтобы чувствовать боль, которая в них заключена.

Боже.

Я замираю, замороженный. Голос чистый, сильный, с той особой хрипотцой, которая делает пение живым. В нём вся боль мира — потери, разлуки, несбывшиеся надежды.

Как она может петь так? Откуда столько боли в одном голосе?

Песня заканчивается тишиной. Она открывает глаза, и они полны слёз.

— Это... — голос садится, прочищая горло. — Это было...

— Русская песня, — шепчит она. — О любви, которая убивает.

Русская? Откуда дочь китайского генерала знает русский язык?

Но сейчас это неважно. Важно то, что происходит в моей груди. Что-то шевелится, просыпается, требует выхода.

Беру свой цин, кладу на колени.

— Теперь я, — говорю и начинаю играть.

Мелодия рождается сама собой — новая, никогда не звучавшая. Грустная и светлая одновременно. Словно разговор двух душ, которые узнали друг друга через века.

И она начинает подпевать. Тихо, осторожно, но с пониманием каждой ноты. Её голос обвивается вокруг моей мелодии, дополняет её, делает совершенной.

Вот оно. Вот что я искал всю жизнь.

Родственная душа.

Играем долго, не замечая времени. Мелодия перетекает в мелодию, её голос отвечает моему цину. Разговор без слов, понимание без объяснений.

И впервые за двадцать лет я чувствую... покой.

Последняя нота затихает. Мы сидим в тишине, и воздух между нами дрожит от невысказанного.

— Спасибо, — говорю я тихо.

— За что, ваше высочество?

— За то, что напостила, зачем я начал играть.

Она смотрит на меня, и в глазах удивление.

— Зачем?

— Чтобы не сойти с ума от одиночества.

Зачем я сказал это? Зачем открылся перед ней?

— Понимаю, — шепчет она. — Я пела по той же причине.

Мы действительно похожи. Два сломанных человека, которые нашли спасение в музыке.

Встаю резко, отворачиваюсь к окну.

— Достаточно на сегодня. Иди.

— Ваше высочество...

— Иди! — рычу, не оборачиваясь.

Слышу, как она встаёт, берёт цин.

— Могу ли я... можем ли мы ещё раз...?

— Нет. — Голос жёсткий, окончательный. — Это была ошибка.

Она замолкает, идёт к двери. У порога останавливается.

— Ваше высочество?

— Что?

— Ваша музыка... она не мёртвая. Просто спящая.

Дверь закрывается за ней, а я остаюсь один с цинном и воспоминанием о её голосе.

Что она со мной делает? Почему заставляет чувствовать то, что должно быть мертво?

Касаюсь струн, и они отвечают печальным звоном.

И почему мне хочется снова услышать её пение?

За окном луна светит холодно и безразлично. Но в комнате ещё витает тепло — от её голоса, от её понимания, от того мгновения, когда мы были не принцем и служанкой, а просто двумя людьми, говорящими на языке музыки.

Проклятая женищина.

Проклятая, прекрасная, понимающая женищина.

Что ты со мной делаешь?

Эпиграф: #####

"Сердца созвучны через цин, родную душу трудно найти, когда мелодия кончается — слёзы как дождь"

Древняя китайская мудрость о том, что истинная бли-

зость души проявляется через понимание музыки. В конфуцианской традиции считается, что тот, кто понимает твою музыку, понимает твою душу. Такие люди встречаются раз в жизни, и потерять их — всё равно что потерять часть себя.

Глава 9

#####

"Одно касание — и всё решается, судьба предначертана небесами, счастье и беда неразлучны как тень с телом"

Покои принца Лэн Цзюе, утро пятого дня

Ли Яньхуа

Я стою у порога его покоев и дрожу.

Не от холода — хотя утренний воздух пробирает сквозь тонкое серое платье служанки. Дрожу от страха, от предчувствия, от того, что происходило прошлой ночью. Его музыка, мой голос, слова, которые рождались сами собой... Слова, которые могли выдать слишком много.

Он знает. Видел в его глазах подозрение, когда утром спрашивал о пении.

Поднимаю руку, чтобы постучать, но пальцы дрожат так сильно, что не могу контролировать движения. Пять дней унижений, пять ночей, когда засыпала с мокрой от слёз подушкой. Но вчера было хуже всего — потому что он заставил меня петь. Заставил открыть часть души, которую я отчаянно пыталась скрыть.

"Сердце просит тишины, но получает только сны..." Зачем я пела ЭТО? Зачем показала ему свою боль?

Стучу наконец — три коротких, робких удара.

— Войди, — доносится его голос. Холодный, как всегда.

Но мне кажется, я слышу в нём усталость.

Вхожу, кланяюсь низко, не поднимая глаз. Комната залита утренним светом, но атмосфера в ней тяжёлая, давящая. Он сидит за столом, перед ним раскрыты свитки с государственными бумагами. Чёрные волосы собраны в высокий пучок, одет в тёмно-синий ханьфу с серебряной вышивкой. Красивый и недосягаемый, как статуя из чёрного нефрита.

— Доброе утро, ваше высочество, — шепчу я.

— Что хорошего в утре, когда спать не давали всю ночь?

— отвечает он, не поднимая глаз от документов.

Сердце подпрыгивает. Он не спал? Из-за нашего... разговора через музыку?

— Простите, если служанки были слишком шумными...

— Не служанки. — Он наконец смотрит на меня, и в золотых глазах что-то опасное. — Кое-кто решил, что может безнаказанно распевать песни всю ночь.

Я пела? После того, как он отпустил меня? Не помню...

Но помню, как лежала без сна, прокручивая в голове каждую ноту его мелодий. Как сердце сжималось от боли, которая звучала в музыке. Как хотелось снова услышать его игру...

— Я не знала, что мешаю вашему высочеству отдыхать, — говорю тихо.

— Ложь. — Он встаёт, подходит ближе. — Ты прекрасно

знала. Знала, что я слушаю.

Отступаю к стене, но он продолжает приближаться. Высокий, мощный, излучающий холодную опасность. Останавливается в шаге от меня, и я чувствую исходящее от него тепло. Странно — внешне он ледяной, а тело излучает жар.

— Зачем ты это делаешь? — спрашивает он тихо.

— Что, ваше высочество?

— Пытаешься пробраться в мою голову. Поёшь слова, которых не должна знать. Смотришь на меня так, словно видишь кого-то другого.

Другого? Да, вижу. Вижу того мальчика, которого предала мать. Вижу раненого зверя за маской монстра.

— Я ничего не пытаюсь, — шепчу. — Просто... выполняю свои обязанности.

— Обязанности служанки не включают психологические пытки хозяина.

Пытки? Это он называет пытками мою попытку понять его?

— Тогда скажите, что я должна делать, — говорю я, встречая его взгляд. — Как должна себя вести, чтобы не мешать вам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.